

А. П. КАЖДАН

## ВИЗАНТИЙСКИЙ ПУБЛИЦИСТ XII в. ЕВСТАФИЙ СОЛУНСКИЙ

### 1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Казалось бы, мы должны хорошо знать жизненный путь одного из крупнейших византийских писателей — Евстафия, архиепископа Солунского; ведь сразу же после его смерти двое его друзей, Михаил Хониат и Евфимий Малаки, выступили с пространными речами, дабы запечатлеть в памяти потомков образ покойного. Но традиция византийской риторики привела к тому, что в обоих сочинениях мы встречаем прежде всего эпитеты и восторженные оценки, тогда как простые факты либо вовсе отсутствуют, либо скрыты почти непроницаемой пеленой словесного тумана. Михаил Хониат поведал своим слушателям о лестнице, по которой Евстафий подымается к небу<sup>1</sup>, и о том, как он сбрасывает с себя земные цепи и проходит через железные врата, растворяющиеся сами собой (Mich. Ak., I, p. 303.1—12); но тщетно стали бы мы искать в его монодии сведения, для нашего века более существенные: когда и где родился Евстафий, кем были его родители, какие должности он занимал. Биография нашего героя не может быть воссоздана из траурных восклицаний его многословных друзей, она восстанавливается из случайных упоминаний в его сочинениях, из обрывочных данных в леммах — не удивительно, что сама она остается отрывочной и даже элементарные сведения о его жизни продолжают быть неопределенными.

Когда родился Евстафий Солунский? П. Вирт отнес его рождение к 1106/7—1114 гг.<sup>2</sup> Согласно Вирту, в речах 70-х годов (на самом деле — уже в конце 60-х годов) Евстафий упоминал о своей старости, а кроме того, писатель сохранил память об Алексее Комнине, умершем в 1118 г. Наиболее важный аргумент Вирта — истолкование фразы Евстафия о том, что тот был еще мальчиком, когда господь вознес императора Мануила I «на эту царственную высоту» (ἐπὶ τῆς βασιλικῆς αὐτῆς ἐξάδισέ σε περισπῆς)<sup>3</sup>. Вирт полагает, что «царственная высота» — это титул севастократора, пожалованный Мануилу между 1122/3 и 1128 гг.

«Царственная высота», однако же, скорее всего, эпитет императорской власти — именно этими словами пользуется современник Евстафия Григорий Антиох, говоря о Мануиле I<sup>4</sup>; к тому же речь идет о данной

<sup>1</sup> Michael Akominatos. *Tὰ σωζόμενα*. Athenai, 1879 (далее: Mich. Ak.), p. 302.14—22.

<sup>2</sup> P. Wirth. *Untersuchungen zur byzantinischen Rhetorik des XII. Jahrhunderts*. München, 1960, S. 19—21. Эту дату принимает и рецензент книги Вирта — J. Darrouzès, in: REB, 18, 1960, p. 264.

<sup>3</sup> W. Regél. *Fontes rerum byzantinorum*, f. I. Petropoli, 1892 (далее: Fontes), p. 26.11—13.

<sup>4</sup> Ibid., f. II. Petropoli, 1917, p. 195.11—12; 201.24; 218.16—17. Ср. A. Mai. *Spicilegium Romanum*, X, p. 84.10. Впрочем, в литературе XII в. термин βασιλεὺς иногда

(ταύτης) «царственной высоте», т. е. о той, на которой Мануил находился в момент произнесения речи, в конце правления. В ту пору севастократорский титул его юности был давно забыт — Мануил уже свыше тридцати лет занимал императорский престол.

Далее, Евстафий в цитированном у Вирта месте говорит о себе как о царском риторе — вряд ли можно думать, что эту должность мог занять шестнадцатилетний юноша. Поэтому с большим основанием можно принять мнение С. Кириакидиса, считавшего фразу Евстафия риторической гиперболой и полагавшего, что к моменту воцарения Мануила I, к 1143 г., писатель был уже взрослым человеком<sup>5</sup>.

В таком случае рождение Евстафия следует отнести примерно к 1115 г. К 70-му году ему было бы уже лет 55, и он называл себя старым, чтобы вызвать к себе сочувствие (см. ниже, стр. 91 и сл.). Что же касается его памяти об Алексее I, то почерпнутое у Эсхила (Прометей, стк. 789) выражение Евстафия «записанный на скрижалях памяти» (Fontes, I, p. 66.18) — недостаточно определенно, чтобы говорить о *личных* воспоминаниях.

К тому же Евфимий Малаки, называвший себя сверстником Евстафия<sup>6</sup>, родился, по расчетам Г. Штадтмюллера, около 1115—1135 гг.<sup>7</sup>; вполне естественно предполагать, что и Евстафий появился на свет примерно в то же самое время.

Предположение о происхождении Евстафия из Константинополя хотя и не является невероятным, однако обосновывается довольно шатким аргументом: в одном из сочинений Евстафий говорит о тех, кто μεθ' ἡμῶν был детьми Константинополя (Esp., p. 66.26). Обычно выражение μεθ' ἡμῶν понимают «вместе со мной», «подобно мне» — wie wir, как переводит это место Г. Хунгер<sup>8</sup>. Однако такое понимание не является единственно возможным — речь идет о пребывании Евстафия в Солуни, где вместе с ним (μεθ' ἡμῶν) находились его уче-

прилагался к ближайшей родне императора, и Продром говорил о «царственной высоте», имея в виду севастократора Исаака, дядю Мануила I (E. Kurtz. Uebersetzte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos. — BZ, 16, 1907, S. 114.87).

<sup>5</sup> Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961 (далее: Esp.), p. XXXIX.

<sup>6</sup> K. G. Bonis. Εὐθυμίου τοῦ Μαλάκη μητροπολίτου Νέων Πατρῶν (Υπάτης) τὰ σωζόμενα. Athenai, 1937 (далее: Malakes), п. 83, 10.

<sup>7</sup> G. Stadtmüller. Michael Choniates, Metropolit von Athen. — «Orientalia Christiana», 33, 1934, S. 307. K. G. Bonis. Εὐστάθιος ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. — «Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρὶς τῆς θεολογικῆς σχολῆς τοῦ Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης», т. 1, 1950, σελ. 49 ἐξ. Впрочем, аргументация Штадтмюллера далеко не бесспорна: он опирается на свидетельство Михаила Хониата, писавшего в 1184/85 г., что Малаки еще не очень стар, тогда как Вирт усматривает в письме Михаила Хониата лишь изъявление вежливости (P. Wirth. Untersuchungen..., S. 19). И в самом деле, в письме патриарху, написанном примерно в то же время, Малаки жаловался на свою старость [A. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae. СПб., 1913, стр. 91.1—3. Издатель и вслед за ним К. Бонис (Malakes, p. 66.10) считают, что адресат Малаки — Феодосий I Ворадиот (1179—1183), но в патриархе, испытывавшем страдания и воскресшем к новой жизни (A. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes..., стр. 90.25—28), скорее можно видеть Василия II Каматира (1183—1186)]. Однако, по свидетельству Евфимия Торника, Малаки умер незадолго до падения Константинополя (G. Stadtmüller. Op. cit., S. 312), т. е. около 1204 г. Вряд ли можно допустить, учитывая все это, что он родился до 1115 г.

<sup>8</sup> H. Hunger. Die Normannen in Thessalonike. Graz, 1955, S. 68. Тезис этот был выдвинут Г. Тафелем, некоторые сомнения высказал уже А. В. Горов (Евстафий, митрополит Солунский, писатель 12-го века. — «Православный собеседник», 1883, янв., стр. 24) и независимо от него Ф. Кукулес (Ph. Koukoules. Λαογραφικαὶ εἰδήσεις παρὰ τῷ Θεσσαλονίκῃ Εὐσταθίῳ. — ΕΕΒΣ, 1, 1924, σελ. 10 ἐξ. Ср. idem. Θεσσαλονίκῃ Εὐσταθίου τὰ λαογραφικά, т. 1. Athenai, 1950, p. 3—5).

ники из Константинополя, которых он накануне норманской осады отправил восвояси (εἰς τοὺς ἑαυτῶν). Противопоставление μεθ' ἡμῶν и εἰς τοὺς ἑαυτῶν в данном контексте вполне закономерно, тогда как воспоминание о своем рождении в столице было бы здесь совершенно неуместным, во всяком случае неожиданным.

Мы ничего не знаем и о родителях Евстафия. Кириакидис считает, что его фамильное имя было Катафлорон и что он принадлежал к знатной семье (Esp., p. XXXV sg.), однако и это предположение недостаточно строго обосновано.

Действительно, в леммах Евстафий несколько раз назван ὁ τοῦ Καταφλῶρον. Это выражение, однако, не значит, что Катафлорон было именем самого Евстафия, — напротив, формула ὁ τοῦ X означает «близкий человек к X», человек из его окружения<sup>9</sup> и, может быть, даже племянник или ученик: недаром Зигавин подчеркивал, что византийцы, часто называют ученика сыном, а учителя отцом (PG, t. 130, col. 1301A). Евстафий, следовательно, не был Катафлороном, а близким к Катафлорону человеком, племянником или учеником. Этот Катафлорон, видимо, не кто иной, как Николай Катафлорон, умерший в 1160 г.<sup>10</sup>

О Николае Катафлороне подробно повествует его ученик Григорий Антиох в речи, также сохранившейся в Э<sup>11</sup>. Антиох оплакивает мудрость и образованность Катафлорона, призывая на его похороны вскорившую его философию, а также риторику и грамматику (д. 266 об.). Катафлорон занимал церковные должности — толкователя учения апостола Павла и вселенского учителя евангелий, а кроме того, стал наставником (или магистром) риторов (ῥητόρων ἀνηγορεύσαι καὶ ἡγήσῃν). Это — светская служба, которую Катафлорон получил от императора; заняв эту должность, он стал членом синклита (л. 268)<sup>11а</sup>.

Учился Евстафий в Константинополе. Малаки прямо говорит, что его покойный друг собрал свои знания в царственном граде (Malakes, p. 80. 18—19), да и сам Евстафий как-то вспоминал о прогулке вместе с учителями из «великого города» в близлежащий проастий<sup>12</sup>. Возможно, что начальное образование получил он в школе при монастыре св. Евфимии,

<sup>9</sup> Это истолкование было дано уже В. Г. Васильевским [Василия Охридского, архиепископа (митрополита) Солунского, неизданное надгробное слово на смерть Ирины. — ВВ, I, 1894, стр. 60. Ср. его же. Рецензия на книгу К. Крumbaхера. — ВВ, VI, 1899, стр. 529], затем повторено: P. Wirth. Michael von Thessalonike? — ВЗ, 55, 1962, S. 266—268. Подтверждение подобного толкования мы находим в неизданной речи Евстафия к патриарху Михаилу ὁ τοῦ Ἀρχιῶλου, где прямо говорится, что дядя его (θεῖον ἑαυτοῦ τὰ πρὸς γένους) был епископом Анхиала (Escor. Y-II-10, л. 157 об., далее — Э). Во всяком случае имя ὁ τοῦ Καταφλῶρον не дает никаких оснований считать Евстафия монахом монастыря св. Флора (так в последнее время: R. Brown. The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century. — Byz., 32, 1962, 191).

<sup>10</sup> P. Wirth. Zu Nikolaos Kataphloros. — «Classica et mediaevalia», 21, 1960, S. 213 f.; V. Laurent. Kataphloros, patronyme supposé du métropolitain de Thessalonique Eustathe. — REB, 20, 1962, p. 220 sq.; R. Brown. The Patriarchal School... — Byz., 33, 1963, p. 18 f. P. Wirth. Nikolaos ὁ Καταφλῶρον und nicht Nikolaos ὁ κατὰ Φλῶρον, Eustathios ὁ τοῦ Καταφλῶρον und nicht Eustathios ὁ τοῦ κατὰ Φλῶρον. — ВЗ, 56, 1963, S. 235 f.

<sup>11</sup> J. Darrouzès. Notice sur Grégoire Antiochos. — REB, 20, 1962, p. 66.

<sup>11а</sup> Впрочем, обычно должность магистра риторov рассматривается как церковная. Так, в списке церковных должностей, составленном, по-видимому, в XII в. (рукопись ГИМ 53/147, л. 398), назван ритор, чья обязанность произносить энкомий василевсу. Любопытно еще, что в этом списке стоят «три должности, добавленные церкви новеллой императора Алексея (I?)», а именно учитель евангелия, учитель апостола и учитель псалтири. Следовательно, учительские должности были введены Алексеем I. На эту рукопись обратил мое внимание проф. Ж. Даррузе.

<sup>12</sup> Eustathii, metropolitae Thessalonicensis. Opuscula, ed. Th. L. F. Tafel. Francof. a. M., 1832 (далее: Opusc.), p. 111.57—59.

клириков которой называет своими соучениками (συντρόφους) (Opusc., р. 337.81—83). Вместе с Евстафием учился и Малаки, который говорил о себе над гробом друга: «Я его сверстник и соученик, мы вместе общались к наукам и всю юность прожили вместе» (Malakes, р. 83. 10—12).

Несколько раз вспоминал Евстафий о своих учителях. Он упоминает двух мудрых учителей, один из которых был приставлен к нему (Opusc., р. 111. 52—54), и с большой теплотой говорит о воспитавшем и обучившем его «священном и великом муже», без заслуженных побоев которого он не пошел бы по прямой тропинке образования (Opusc., р. 103. 90—93). Наконец, известно, что учитель Евстафия был главой «софистов» (τῶν σοφιστευόντων προήδρευε), т. е. наставником риторов<sup>13</sup>. Не можем ли мы считать, что Евстафий проходил обучение в школе наставника риторов Николая Катафлорона, «близким человеком» к которому он был? Это предположение в известной мере подкрепляется свидетельством Григория Антиоха; как мы знаем, Антиох вышел из школы Катафлорона; вместе с тем он называет своим учителем Евстафия<sup>14</sup> — можно было бы допустить, что Евстафий учился у Катафлорона, а позднее стал преемником своего учителя. Во всяком случае в конце 60-х годов Евстафий как раз оказывается на посту наставника риторов — но об этом еще пойдет речь.

Служебную карьеру Евстафий начинал с самых низших ступеней. Несколько риторически он выразился об этом, обращаясь к Мануилу I: «Ты меня из грязи дел (ἀπὸ ἰλύος πραγμάτων) поднял до сверкающей чистоты» (Fontes, I, р. 26. 26—27). Более подробно повествует он о начальном периоде своей жизни в неизданной речи к патриарху Михаилу III, сохраненной в Э. «Было время, — рассказывает Евстафий (л. 158 об.), — когда я находился в числе писцов (ἐν ὑπογραφεύσι) и принадлежал к разряду переписчиков священной канцелярии (τῆς τάξεως τῶν ἐν τοῖς ἱεροῖς τοῦτοις ἀρχείοις ὑπογραμμάτων), где трудился под твоим начальством». Несколько ниже (л. 160 об.) Евстафий снова говорит о том, что Михаил был начальником писцов патриаршей канцелярии (τοῖς τῶν πατριαρχικῶν ἀρχείων ὑπογραφεύσιν . . . κεφαλῇ). Итак, Евстафий занимал должность патриаршего писца, причем он довольно точно определяет время, когда это было: про великом иерархе, носившем апостольское имя (τὴν κληρεῖν ἀποστολικός — л. 158 об.), иными словами, при патриархе Луке Хрисоверге (1157—1169/70), ибо других «апостолических» патриархов в середине XII в. не было.

Когда же Михаил стал патриаршим судьей (т. е. протэктиком), Евстафий перешел вместе с ним в новое ведомство и сделался судебским писцом: он записывал в книге решения судьи (ἐχρῆν ὑποδρῆσθαι τῷ γράμματι καὶ τὸν τῆς σῆς εὐθυτάτης κρίσεως ἐγχαράξαι κώδικι γνῶμονα — л. 158 об.). По словам Евстафия, это была трудная работа, и только указания Михаила служили ему путеводной нитью в лабиринте дел (л. 159). В это же время Евстафий принял духовный сан: χειροτονῆσαι δὲ ἐμὲ ἐκέλευετο (л. 158 об.). Он стал диаконом<sup>15</sup>.

Надписание комментария к Пиндару именует Евстафия диаконом<sup>16</sup>;

<sup>13</sup> Opusc., р. 206.4—5. См. толкование этого места у Кириакидиса (Esp., р. XL sg.).

<sup>14</sup> J. Darrouzès. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie en 1173. — BS, 24, 1963, р. 71.302—304.

<sup>15</sup> Ф. Кукулес (Ph. Koukoules. Θεσσαλονίκης Εὐσταθίου . . ., т. 1, σελ. 6) считал, что Евстафий стал диаконом еще при патриархе Николае Музалоне (1147—1151), но это предположение произвольно.

<sup>16</sup> F. Schneidewin. Eustathii prooemium commentariorum Pindari. Gottingae, 1837, р. 1.

как диакона Великой церкви (т. е. храма св. Софии) знает его Димитрий Хоматиан (PG, t. 119, col. 949 A). В послании к патриарху (?) Евстафий сам упоминает некоего «сослужителя своего и содиакона» (Opusc., p. 340. 88. Ср. *ibid.*, p. 340. 11).

В посвящении комментария к Дионисию Перизгету, адресованном Иоанну Дуке, сыну великого друнгария Андроника Каматира, Евстафий назван диаконом (и?) начальником прошений (ἐπὶ τῶν δεήσεων)<sup>17</sup>. Начальником прошений назван он и в надписании одного из писем (Opusc., p. 324.4), но уже Э. Курц предположил ошибку в лемме: письмо было адресовано Никифору Комнину, начальнику прошений, а не выпшло из-под пера человека, занимавшего этот пост<sup>18</sup>. И действительно, титул этого письма в Парижской рукописи (Paris. 1182) читается: τῷ αὐτῷ γεροντί ἐπὶ τῶν δεήσεων, и только более поздней рукой внесено «исправление» — дательный падеж заменен родительным<sup>19</sup>.

Евстафий не был императорским начальником прошений — этот пост принадлежал представителям высшей знати, членам императорской фамилии, вроде Никифора Комнина или Иоанна Дуки. К тому же в посвящении Иоанну Дуке — единственном свидетельстве об этой должности Евстафия — он, собственно говоря, назван διάκονος ἐπὶ τῶν δεήσεων, т. е. возможно, он был чиновником патриаршего ведомства прошений.

Новые подробности о службе Евстафия диаконом мы находим в его докладной записке (ὑπομνηστικόν) патриарху Михаилу III. Текст этой записки, сохраненной все в той же Э, — не издан, а описание Э. Миллера<sup>20</sup> — неточно: Миллер не заметил, что тексту предшествует обширная лемма, сообщающая некоторые сведения о жизни Евстафия.

Согласно лемме (л. 26 об.), некий диакон получил незаконным образом надзор за священными сокровищами (χειμελίους ἱεροῦς). При патриархе Луке он был уличен, низложен и, более того, вовсе лишен церковных доходов. Вместо него назначили другого человека, затем еще одного, а некоторое время спустя Евстафия. Следовательно, Евстафий был при Луке Хрисоверге диаконом и принадлежал к ведомству священных сокровищ.

По-видимому, Евстафий нес некоторое время службу и в патриаршей сакелле: недавно издана метрическая легенда печати «смирненного Евстафия, пастыря солунского, бывшего сакеллия (ἐξ σακελλίου)»<sup>21</sup>.

Значит, Евстафий при патриархе Луке Хрисоверге занимал ряд постов в патриаршей администрации: в канцелярии, в судебном ведомстве (или в ведомстве прошений), в ведомстве священных сокровищ и, видимо, в сакелле.

Во второй половине 60-х годов прежний начальник Евстафия Михаил получил пост ипата философов<sup>22</sup>. Тогда, как рассказывает

<sup>17</sup> G. Bernhardt. *Geographi graeci minores*, vol. I. Lipsiae, 1828, p. 67.4.

<sup>18</sup> Э. Курц. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии на кончину Никифора Комнина. — ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 288.

<sup>19</sup> P. Wirth. *Studien zum Briefcorpus des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike*. — BZ. 56, 1963, S. 14. Ср. также R. Guillard. *Études sur l'histoire administrative de l'empire Byzantin. Le Maître des Requêtes*. — Byz., 35, 1965, p. 108.

<sup>20</sup> E. Miller. *Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque de l'Escurial*. Paris, 1848, p. 201. Хотя в титуле (л. 26 об.) Евстафий назван митрополитом (τοῦ ἁγιωτάτου μητροπολίτου), записка относится к более раннему времени, когда он был еще диаконом. В настоящее время издание этого прошения подготавливает П. Вирт.

<sup>21</sup> V. Laurent. *Corpus des sceaux de l'Empire byzantin*, t. V, f. 1 A. Paris, 1963 (1964), № 462.

<sup>22</sup> Р. Браунинг издал речь, произнесенную Михаилом при вступлении на пост ипата философов (R. Brownig. *A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the XIIth Century*. — «Balkan Studies», 2, 1961). Судя по описанным событиям,

Евстафий (л. 160), «вспомнив обо мне и пожалев, что я достиг глубокой старости (γῆρας οὕτω βαθύ) и все же испытываю жизненные трудности (περὶ τὴν τοῦ ζῆν ταλαιπωρίαν πονοῦμαι) и бедствую (ἐν χαλίοις τριβόμαι), ... ты привел меня в эту обетованную землю, текущую млеком и медом (εἰς γῆν ταύτην μακαριστήν, γάλα καὶ μέλι ρέουσάν)». Мы узнаем, что Евстафий получил не только славную и сладчайшую софистическую (σοφιστικὴν) должность, но еще и какую-то другую (δεύτεραν προσεπιδίδωσι).

Софистическая должность — это пост наставника риториков. Наставником риториков Евстафий назван в уже известном нам посвящении Иоанну Дуке. Наставником риториков называет его и Димитрий Хоматиан (в указанном выше месте), и лемма к письму Григория Антиоха<sup>23</sup>. Возможно, что именно этот пост имеет в виду Евстафий, в письме к Малаки защищаясь от упреков друга, будто он охвачен гордостью с тех пор, как вступил на софистическую ступень (Opusc., p. 348. 78). О времени этого письма мы можем судить лишь по тому, что оно адресовано митрополиту Новых Патр (Opusc., p. 348.2, 349.51—52): значит, Евстафий писал после избрания Малаки митрополитом. Впрочем, поскольку Малаки стал митрополитом еще до 1166 г.<sup>24</sup>, письмо Евстафия не дает новых опорных пунктов для хронологических рассуждений.

Обычно считают, что Евстафий недолго занимал пост наставника риториков — перед самым поставлением в архиепископы — по традиционным взглядам примерно в 1172—1174 гг.<sup>25</sup> Основанием для этого служат слова Михаила Хониата: «Он поднимается на риторический и епископский престол — на первый немного раньше (μικρῷ πρότερον), на другой позднее» (Mich. Ak., I, p. 290.23—25). Однако подобная датировка вызывает возражения.

Прежде всего из цитированного выше слова к патриарху Михаилу III следует, что Евстафий получил «софистическую» должность, когда Михаил был ипатом философов, но не патриархом — о получении Михаилом патриаршего престола идет речь значительно ниже (л. 162). Далее, самое слово к Михаилу III произносилось, скорее всего, сразу же после избрания нового патриарха — иначе было бы трудно объяснить, почему мы находим там столь подробное изложение биографии Михаила и особенно — описание самого избрания и всеобщей радости по этому поводу (л. 162—162об.); к тому же смерть Луки Хрисоверга еще свежа в памяти (л. 163).

Михаил стал патриархом в январе 1170 г., и, следовательно, слово Евстафия к нему должно быть датировано 28 марта 1170 г., поскольку наставник риториков произносил речь перед патриархом в субботу Лазаря, накануне вербного воскресенья (κατὰ τὴν μνήμην τοῦ δικαίου Λαζάρου — л. 157).

К еще более раннему времени относится речь Евстафия, произнесенная перед Мануилом I в связи с нехваткой воды в Константинополе. Согласно лемме, она написана в ту пору, когда автор был диаконом и наставником риториков (διδάσκαλος τῶν ῥητόρων) (Fontes, I, p. 126.1—2). Содержание этой речи дает некоторые основания для ее датировки. Регель датировал ее 1168 г. (Fontes, I, p. XVI sq.), Браунинг — 1169 г.<sup>26</sup>; по мнению Вирта, она могла быть прочитана в 1166 г. или несколько позднее<sup>27</sup>.

эта речь относится к 1165 или к 1167 г. Вирт склоняется к тому, чтобы датировать речь 1165/66 г. (P. Wirth. Das bislang erste literarische Zeugnis für die Stephanskronen. — BZ, 53, 1960, S. 80).

<sup>23</sup> J. Darrouzès. Deux lettres... — BS, 23, 1962, p. 278.

<sup>24</sup> G. Stadtmüller. Michael Choniates... S. 307 f.

<sup>25</sup> J. Darrouzès. Deux lettres... — BS, 23, 1962, p. 276; Esp., p. XLVI.

<sup>26</sup> R. Brownig. The Patriarchal School... — Byz., 32, 1962, p. 189.

<sup>27</sup> P. Wirth. Untersuchungen... S. 24.

Итак, вполне вероятно, что Евстафий стал магистром риторов между 1166 и 1170 г. До 1166 г. он не мог занимать этот пост, поскольку в 1166 г. наставником риторов был некий Василий<sup>28</sup>.

Скорее после 1170 г. духовная карьера Евстафия внезапно оказалась под угрозой. Из леммы к его докладной записке (л. 26 об.) мы узнаем, что при Михаиле III он был лишен своего диаконского поста. Дело в том, что диакон, отрешенный от должности Лукой Хрисовергом и поступивший на (частную?) службу (ἐλόμενος μισθοῦ ὑπηρετεῖν), попавший в конце концов в тюрьму из-за каких-то налоговых операций (εἰς εἰρητὴν ἐκ φορολογίας ἐντεθεῖς), был прощен новым патриархом и возвращен на должность, которую занимал Евстафий, — а тот «был удален с совершенной ступени» и лишен прежней руги, ситиресия и хлебных выдач.

В обращенной к патриарху записке Евстафий крайне риторично оплакивает свою неудачу, на все лады склоняя одну и ту же мысль: еще вчера держал он в руках богатство, но те блага, что у других остаются стабильными, быстро пронесли мимо Евстафия (л. 27 об.). «Вчера еще мы были во дворце божественной мудрости (т. е. в храме св. Софии) — сегодня мы лишены его» (л. 30 об.). Он жалуется на свою старость (τὸ γῆρας — л. 27): лишь старцем (ἐν βαθεία τῇ πολιᾷ) он смог чего-то добиться в жизни, и вновь зима угрожает ему (л. 27 об.).

В другом (еще неизданном) прошении, адресованном логофету дрома Михаилу Айофеодориту, Евстафий также жалуется на грозящую ему бедность и болезнь, на отсутствие заработка (л. 360). Было бы соблазнительно предположить, что докладная записка и прошение относятся к одному времени. Поскольку в прошении брат логофета Николай назван ипертимом (л. 358), а он получил этот титул в 1173 г.<sup>29</sup>, датировать прошение следует временем после 1173 г.

Мы не знаем, что ответил патриарх на просьбу Евстафия, но, видимо, судьба не вовсе от него отвернулась. Он получил новое видное назначение — стал митрополитом (архиепископом) солунским.

Время этого события обычно не вызывает каких-либо сомнений. Принято считать, что в 1174 г. Евстафий был выдвинут кандидатом на митрополичий престол в Мирах Ликийских, и будучи кандидатом, произнес в день Николая Мирликийского, 6 декабря 1174 г., речь перед Мануилом I (Fontes, I, p. 24.14—16). Так как Хоматиан (в уже упомянутом сообщении) свидетельствует, что по приказу императора *сразу же* после избрания в Мирах Евстафий был переведен в Солунь, поставление его солунским архиепископом датируют концом 1174 или началом 1175 г.<sup>30</sup> Впрочем, Ф. Фукс предложил другую дату — 1182 г.<sup>31</sup>, но она основана на курьезном недоразумении: Фукс ссылается на работу И. Дрэеке, однако на указанной им странице к 1182 г. отнесено поставление архи-

<sup>28</sup> R. Browning. The Patriarchal School... — Byz., 32, 1962, p. 184. Произвольно заключение Ф. Кукулеса (Ph. Koukoules. Op. cit., t. I, p. 6), что Евстафий был поставлен магистром риторов еще в 1156 г. В цитируемом им месте говорится о Евстафии как о риторе, но не как о магистре риторов.

<sup>29</sup> V. Grumel. Titulature de métropolités byzantins. II: Métropolités hypertimes. — «Mémorial L. Petit». Bucarest, 1948, p. 159 sq.

<sup>30</sup> См., например: L. Petit. Les évêques de Thessalonique. — EO, V, 1901—1902, p. 29; F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. 2. München—Berlin, 1925, № 1518; Ph. Koukoules. Op. cit., t. I, p. 9; H. Hunger. Op. cit., S. 9; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 635; Esp., p. XLVIII.

<sup>31</sup> F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig—Berlin, 1926, S. 41. Ср. также Д. Ангелов. История на Византия, ч. II. София, 1963, стр. 239. Без какой-либо аргументации М. Трой писал, что Евстафий был магистром риторов в 1176 г. (M. Treu. Nicephori Chrysobergae ad Angelos orationes tres. Breslau, 1892, p. 41).

епископом не Евстафия Солунского, а Михаила Хониата<sup>32</sup>. Фукс оказался жертвой невнимательного чтения.

И все же традиционная дата переезда Евстафия в Солунь не столь бесспорна, как может показаться с первого взгляда.

Основной источник для датировки этого события — речь, содержащая упоминание о Николае Мирликийском (Fontes, I, p. 45.24). Отмечу прежде всего, что упоминания о Николае еще недостаточно для отнесения речи непременно к 6 декабря: вполне естественно, что кандидат на мирликийскую кафедру вспоминает о мирликийском святом — но он упоминает и об Иордане (Fontes, I, p. 44.24; 45.5—7), о котором придворные ораторы обычно вспоминали в речах, произносимых в праздник крещения, т. е. 6 января.

Речь Евстафия не дает оснований и для точной датировки ее 1174 г. Тафель, исходя из упоминания побед Мануила I над венецианцами в 1174 г. (видимо, немецкий ученый имел в виду оборону Анконы в 1173 г.), отнес речь к 1174 или к 1175 г.<sup>33</sup> Регель стремился уточнить датировку Тафеля; по его мнению, речь была прочитана 6 декабря 1174 г. Однако легко видеть, что рассуждения Регеля составляют порочный круг; он исходит в своей датировке из того, что в момент произнесения другой речи, относимой им к 1175 г., Евстафий уже был архиепископом солунским (Fontes, I, p. XII), но обратившись к соответствующему месту комментария Регеля, мы с удивлением замечаем, что последняя дата — 1175 г. — основана как раз на искомой датировке — на датировке речи с упоминанием Николая Мирликийского 6 декабря 1174 г. (Fontes, I, p. VII sq.).

Итак, 1174 г. — это не год поставления Евстафия архиепископом, а *terminus ante quem non* этого события. *Terminus ante quem* мы извлекаем из сообщения Никиты Хониата, свидетельствующего, что Евстафий был солунским архиепископом в конце жизни Мануила I<sup>34</sup>, т. е. во всяком случае в 1180 г. Ту же дату дает нам и первое слово Евстафия на приготвление к четырехдесятнице. Оратор отмечал в нем, что в том году день св. Никифора (9 февраля) открывал (προάγουσα) четырехдесятницу (Opusc., p. 1.48—52): 9 февраля великий пост начинался в 1169 г. и в 1180 г. Так как первая дата невозможна, остается принять, что в 1180 г. Евстафий уже был солунским архиепископом.

Евстафий стал архиепископом солунским между 1174 и 1180 г. Попробуем более точно определить время этого события.

Михаил Хониат в письме к Евстафию жалуется на отсутствие писем (Mich. Ak., II, p. 2.22—23); он хочет знать, как прошло путешествие, как Солунь приняла его друга; он боится, что обрученный с Евстафием город будет ревновать его к Константинополю (Mich. Ak., II, p. 3. 1—3). Письмо это написано сразу же после переезда Евстафия — немногим спустя Михаил Хониат жаловался, что архиепископ — зефир для счастливой Солуни — не шлет своего животворного дыхания в царственный город, и только письма его спасают его друзей от превращения в пепел (Mich. Ak., II, p. 6.2—9). Переписка с Константинополем была оживленной<sup>35</sup> — но нет никаких свидетельств, что Евстафий в это время (до 1182 г., до отъезда Михаила Хониата в Афины) приезжал в столицу<sup>36</sup>.

<sup>32</sup> J. Dräseke. Eustathios und Michael Akominatos. — «Neue kirchliche Zeitschrift», XXIV, 1913, S. 497. На стр. 487 сл. Дрэске датирует переезд Евстафия в Солунь 1175 г.

<sup>33</sup> Th. L. Tafel. De Thessalonica ejusque agro. Berol., 1839, p. 434 nota.

<sup>34</sup> Nicetas Choniata. Historia. Bonnae, 1835, p. 282.1—2.

<sup>35</sup> J. Dräseke. Op. cit., S. 490.

<sup>36</sup> Отмечу попутно, что и после 1182 г. Евстафий почти не бывал в Константинополе: Малаки жалуется, что он не застал в царственном городе своих друзей —



Если же мы обратимся к сочинениям Евстафия, написанным между 1174 и 1179 г., то окажется, что немалая часть их могла возникнуть лишь в Константинополе<sup>37</sup>. Сочинения эти непосредственно с солунскими делами не связаны, но посвящены общеимперским событиям.

Среди этих сочинений — три речи, обращенные к императору Мануилу I.

Одна из них — по Регелю, шестая — была датирована издателем 1173—1174 гг. (Fontes, I, p. XV sq.), но, по-видимому, относится к более позднему времени. Регель привел два аргумента, один из которых отпадает сам собой: из леммы τοῦ ἁγιωτάτου μητροπολίτου Θεσσαλονίκης κῆρ Εὐσταθίου τοῦ κατὰ Φλώρον (надо читать Катафлорон), т. е. «святейшего митрополита солунского господина Евстафия (воспитанника или племянника) Катафлорона» — Регель сделал произвольный вывод, что Евстафий был в ту пору монахом монастыря Флора и еще не стал митрополитом. Другой аргумент Регеля — упоминание успехов в Малой Азии и Италии — также не выдерживает критики. Действительно, рассказав об осаде Анконы (1173 г.), ритор называет эти события недавними (ἔναγχος), но все же противопоставляет их нынешним (τὰ δὲ νῦν) (Fontes, I, p. 116. 15—19) — значит, речь написана некоторое время спустя после осады Анконы. «Пусть другие расскажут о нынешних событиях... а мне следует вернуться к другому времени, с которого я начал», — замечает Евстафий (Fontes, I, p. 116. 19—22), явно не желая повествовать о делах после 1173 г. Далее, несколько раз говорится в этой речи о победе над исмаилтянами, разбитыми на их собственной территории (Fontes, I, p. 107. 28—108. 2), но в 1173 г. военных действий с сельджуками не было<sup>38</sup>.

Таким образом, мы могли бы отнести шестую речь к более позднему времени, нежели это сделал Регель.

Другую речь — по своему счету первую — Регель датировал 1175 г. (Fontes, I, p. XII), но и она может быть отнесена к более позднему времени. Эту речь Евстафий начинает с обещания не говорить ничего неприятного императору, а затем напоминает о недавних тяжелых войнах (Fontes, I, p. 1. 8—13), когда целью варваров было поразить самого Мануила. И хотя они не смогли обратить императора в бегство, другим «нашим» варвары, непрестанно нападая, нанесли урон (Fontes, I, p. 2, 20—23), при каждом натиске сокрушая фаланги и когорты. Эти слова оратора следует отнести к битве при Мириокефале — в таком случае первая речь не могла быть произнесена ранее конца 1176 г.

И только третья речь (по Регелю, четвертая), произнесенная после 1178 г., вышла из-под пера «солунянина»<sup>39</sup>.

К этой же группе официальных речей принадлежит также слово по поводу прибытия в Константинополь Агнесы, невесты наследника престола

---

иерархов Солуни и Афин (Malakes, p. 71.7); в другом письме он рассказывает, что Евстафий обещал ему приехать в столицу, а сам все медлит. «Ты увидишь (здесь) государя, какого — скажу кратко — многие годы не видело солнце» (ibid., p. 76.10—11). Если Малаки имеет в виду Исаака Ангела, то дата письма — около 1185 г.

<sup>37</sup> Наиболее удобный список сочинений Евстафия — изданных и неизданных — приведен Р. Браунингом (R. Browning. The Patriarchal School... — Byz., 32. 1962, p. 186—190). Странным образом Н. Томадакис (N. Tomadakis. Βυζαντινὴ γραμματολογία (1204—1453). Athenai, 1957, p. 11) не включает большую часть изданных Регелем речей в список риторических сочинений Евстафия — зато он приписывает нашему автору приветственное слово по случаю приезда Берты, невесты Мануила I (он спутал ее с Агнесой, невестой Алексея II).

<sup>38</sup> F. Chalandon. Les Comnène, vol. II. Paris, 1942, p. 501.

<sup>39</sup> Fontes, I, p. 78.23. О дате см. P. Wirth. Untersuchungen..., S. 27 f.

Алексея. Это слово датируется 1179 г.<sup>40</sup> Вскоре после этого появилось еще не изданное слово (Э, л. 368—372 об.), где подробно описано торжественное пиршество на Ипподроме, устроенное по случаю свадьбы наследника.

Большие трудности вызывает датировка второй речи к патриарху Михаилу III, находящейся в Э. Это одно из традиционных слов к патриарху, произносимых наставником риторов накануне вербного воскресенья, — недаром Евстафий говорит, что он «протягивает эти вербы по случаю праздника» (протείνω βάρια ταῦτα πρὸς λόγον ἑορτῆς — л. 178 об.). Она явно позднее Первого слова к Михаилу: здесь отсутствуют сведения о жизни патриарха и описание его избрания, зато говорится о ряде осуществленных им мероприятий. К тому же Евстафий ссылается на то, что он каждый год произносит одну речь в этом месте (δι' ἑτοῦς ἕνα λόγον ἐν ταῦθα), что он не так давно выступал в этом священном и божественном собрании (л. 164 об.).

Более точно датировать речь к Михаилу III позволяет упоминание переписки патриарха с армянами, которым Михаил недавно направил «возвышенное и громогласное поучение», рассчитывая наставить их на путь истинный и тем самым увеличить божью паству (л. 171 об.). Известны два письма Михаила III армянским католикосам: Нерсесу (весна—лето 1171 г.) и Григорию IV (10 января 1177 г.)<sup>41</sup>. Которое из двух посланий имеет в виду Евстафий?

Чтобы решить этот вопрос, нужно обратить внимание на характеристику наследника престола Алексея, который, по словам Евстафия, прежде был младенцем, а ныне становится подобием отца (л. 169 об.). Он берет воинское вооружение, надевает панцирь, нежные руки обременяет копьём; он охотится — и не на малых зверей, но на барсов, медведей и кабанов (л. 170).

Алексей родился 14 сентября 1169 г., и в начале 1172 г. ему не было бы и трех лет. Даже византийская гиперболизация вряд ли могла представить двухлетнего младенца воином и охотником на барсов. Иное дело — в 1177 г., ибо Алексей сопровождал отца уже в походе на Дорилей в 1175 г., о чем рассказывает сам Евстафий<sup>42</sup>. Следовательно, вполне вероятно, что в субботу Лазаря, 16 апреля 1177 г., Евстафий как наставник риторов произносил речь перед патриархом Михаилом III.

К несколько более позднему времени относится шутивное сочинение Евстафия «Речи, которые бы произнес монах Неофит Мокиский, когда на следующий день после смерти его благодетеля святейшего патриарха Михаила III его обокрали в бане по наущению великого эконома Пантехнии»<sup>43</sup>. Михаил III умер в марте 1178 г., и сочинение, следовательно, написано не ранее 1178 г. Трудно допустить, что эта шутка с детальным описанием толпы, собравшейся посмеяться над обворованным нагим че-

<sup>40</sup> Fontes, I, p. XIV sq. Ср. об этой свадьбе по западным источникам: M. P. Caulet, Louis VII et son royaume. Paris, 1964, p. 194.

<sup>41</sup> V. Grumel. Les Regestes des actes du Patriarchat de Constantinople, III, 1947, № 1123, 1132. См. А. П. Каждан. К истории византино-армянских отношений в XII веке. — «Историко-филол. журнал», 1964, № 4, стр. 235 и сл. и поправку И. Дуйчева (BZ, 58, 1965, S. 215).

<sup>42</sup> P. Wirth. Kaiser Manuel I. Komnenos und die Ostgrenze. — BZ, 55, 1962, S. 253—43. Cf. ibid., S. 28.

<sup>43</sup> Opusc., p. 328. 58—64. Заглавие в переводе несколько сокращено и исправлено в соответствии с Э (см. P. Wirth. Gehört die Ethopoiie Ποιῶνς ἀν εἰπε λόγους κτλ. zum Briefcorpus des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike? — «Classica et mediaevalia», XXI, 1960, S. 216). В. Лаурда ошибочно включил это сочинение в список неизданных произведений Евстафия (B. Laourdas. Σημείωμα περὶ τῶν ἀνεκδότων ἔργων τοῦ Εὐσταθίου Θεσσαλονίκης. — «Θεολογία», 22, 1951, σελ. 490).

ловеком (Opusc., р. 331.30—41), с проклятиями в адрес воров (Opusc., р. 331.76—82) — могла принадлежать оторванному от Константинополя человеку, да к тому же архиепископу солунскому. Возможно даже, что поводом к сочинению Евстафия послужил какой-то действительный случай, хорошо известный жителям столицы.

К этому же периоду относится и неизданное слово на приготовление к четыредесятнице из Э (условно назовем его Четвертым, поскольку три слова на великий пост были изданы Тафелем<sup>44</sup>). Вирт издал отрывки из Четвертого слова и показал, что там имеется в виду поход Мануила I на Дорию в 1175 г.<sup>45</sup> Поскольку Евстафий говорит о недавних трофеях (τὰ ἐναρχος τρόπαια — л. 43), поскольку весь тон сочинения оптимистичен, можно предполагать, что оно появилось до катастрофы у Мириокефала — т. е. накануне великого поста, в середине февраля 1176 г.

И опыт-таки у нас нет никаких оснований предполагать, что Евстафий читал его в Солуни. Напротив, он просит снисхождения у своей аудитории и благодарит ее за внимание, он обещает — если речь его не будет иметь успеха — в дальнейшем молча молиться за государей (л. 44 об.); это слова не пастыря, не архиепископа, а человека, заискивающего перед слушателями; скорее всего, Евстафий выступает перед столичными вельможами. К тому же он сообщает, что сам собирался последовать «этим императорским путем» (τὴν βασιλικὴν ταύτην ὁδόν) и только болезнь помешала ему присутствовать при подвигах государя (л. 44).

Таким образом, представляется вполне вероятным, что Евстафий и после 1174 г. — вплоть до 1179 г. — продолжал бывать в столице и произносить официальные речи перед императором и патриархом. Конечно, мы могли бы предположить, что Евстафий произносил эти речи уже будучи архиепископом солунским — подобно тому, как Евфимий Торник в традиционный день крещения читал свою речь к императору, уже будучи митрополитом Старых Патр<sup>46</sup>. Точно так же Николай, епископ Мефонский, в начале речи к Мануилу I заявлял, что он вновь прибыл к своему государю (ἦκω σοι πάλιν) из дальних краев и принес с собой прекрасный дар — свое сочинение<sup>47</sup>. Но как не вспомнить жалобы Михаила Хониата на то, что Евстафий не приезжает в Константинополь? Поэтому более оправданным было бы предположение, что до 1179 г. Евстафий не покидал столицы.

На первый взгляд этому предположению противоречит неизданное надгробное слово Евстафия ипертиму Афин (из Э). Ипертим Афин, брат логофета (л. 35 об.) — бесспорно Николай Айофеодорит, кончине которого посвящены также эпитафия Псевдо-Торника и утешительное слово Григория Антиоха к брату покойного, логофету Михаилу<sup>48</sup>. Николай умер в Афинах, и его прах был отправлен на родину (τῇ δὲ πατρίδι γῇ), откуда

<sup>44</sup> Михаил Хониат в одном из писем упомянул слово Евстафия περὶ νηστείας, о посте (Mich. Ak., II, р. 9.27). Станным образом Дрэзек утверждал, что среди изданных Тафелем сочинений нашего ратора слово о посте не представлено (J. Dräseke. Eustathios und Michael..., S. 497 f.), но четыредесятница и есть великий пост! Какую именно из великопостных проповедей Евстафия имеет в виду Михаил Хониат, сказать невозможно.

<sup>45</sup> P. Wirth. Kaiser Manuel I., S. 21.

<sup>46</sup> А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae, р. 103. 4—5.

<sup>47</sup> Nikolaus, episcopus Methonae. Λόγοι δύο. Lipsiae, 1865, р. 2.11—19. Почему-то Дрэзек, толкуя эти слова, приходит к выводу, что Николай Мефонский имел возможность лишь в письмах (nur schriftlich) общаться с императором (J. Dräseke. Nikolaos von Methone. — BZ, 1, 1892, S. 444).

<sup>48</sup> См. о нем А. П. Каждан. Братья Айофеодориты при дворе Мануила Комнина. — ЗРВИ, 9, 1966, стр. 90—94.

его повезут в царственный город (л. 34 об.). Дважды вместо «родина» сказано «Фессалия»: Афины и Гиметт отсылают покойного фессалийской пчеле; фессалийская земля вопреки своему желанию принимает ипертима (л. 34). Фессалией византийцы нередко именовали Солунь, и сам Евстафий называет солунского архиепископа Василия иерархом τῆς Θεσσαλῶν (л. 56 об.). Не исключено, что тело Николая везли через Солунь.

Все описание встречи в Константинополе, скорби логофета, сочувствия императора выдержано в будущем времени: «Я знаю, что соберутся божьи слуги, монахи и святое окружение патриарха», — так говорит Евстафий (л. 35 об.). Нельзя ли предположить, что он читал эпитафию в Солуни, уже занимая архиепископскую кафедру?

И все-таки такое допущение не является обязательным. Во-первых, в лемме сказано, что надгробное слово было произнесено вне Солуни (ἐξω τῆς μεγάλωνύμου πόλεως Θεσσαλονίκης), в храме мироточивого Николая, при положении тела ипертима Афин, когда его везли в столицу<sup>49</sup>. Во-вторых, все мысли оратора обращены к грядущей встрече в Константинополе, и он радуется, что тело Николая будет погребено в великом городе, а второстепенный (τὴν δευτερεύουσαν) не сможет гордиться подобным сокровищем (л. 34 об.), — позиция, которая была бы несколько неожиданной для солунского иерарха. Поэтому мы не вправе исключить предположение, что Евстафий писал это слово еще жителем столицы, откуда он выехал встретить прах друга.

К тому же дата этой эпитафии спорна: Ж. Даррузе датировал кончину Николая Айофеодорита августом 1175 г.<sup>50</sup> — однако есть все основания считать, что он умер только в 1178 г.<sup>51</sup>

По-видимому, вскоре после эпитафии было написано письмо протоновелисσιμοипертату логофету Айофеодориту (Opusc., р. 342.42—43), т. е. логофету дрома Михаилу Айофеодориту, брату Николая. В этом письме Евстафий ссылается на «блаженную память о воистину блаженном покойном иерархе, моем господине» (Opusc., р. 342.83—84), имея в виду, разумеется, брата логофета — афинского ипертима. Поскольку Евстафий называет покойного иерархом и господином, а не соепископом, вполне вероятно, что и послание это, и соответственно эпитафия Николаю писались еще до получения Евстафием солунской кафедры.

Итак, большая часть сочинений Евстафия, датируемых 1174—1179 гг., написана в Константинополе и посвящена общеимперским событиям. Напротив, среди его сочинений, созданных в Солуни, нет ни одного, которое датировалось бы временем ранее 1179 г. Наиболее ранние [помимо третьей речи (см. выше, стр. 95)] из сочинений солунского периода — Первое слово на чetyредесятницу, произнесенное в феврале 1180 г., и памфлет, адресованный какому-то столпнику, где Евстафий упоминает о победе Мануила при Клавдиополе в 1180 г.<sup>52</sup> Чуть позднее появилась эпитафия императору — одна из многих (πολλῶν γὰρ ἄλλως γραφάντων), как сказано в лемме (Opusc., р. 196.38—40): теперь Евстафий не выступал с надгробным словом в качестве официального ритора<sup>53</sup>. После смерти

<sup>49</sup> Лемма издана в каталоге: E. Miller. Op. cit., p. 201.

<sup>50</sup> J. Darrouzès. Obit de deux metropolites d'Athènes. — REB, 20, 1962, p. 196.

<sup>51</sup> А. П. Каждан. Неизданные сочинения Евстафия Солунского в Эскуриальской рукописи Y-II-10. — «Polychronion». Heidelberg, 1966, S. 337.

<sup>52</sup> Opusc., p. 196.19—21. См. о дате: P. Wirth. Die Chronologie der Schlacht um Klaudiopolis im Lichte bisher unbeachteter Quellen. — BZ, 50, 1957, S. 72 f.

<sup>53</sup> Неясно, на основании каких данных К. Бонис предположил, что во время похорон Мануила Евстафий находился в Константинополе (K. Bonis. 'Ο Θεσσαλονίκης Εὐστάθιος καὶ οἱ δύο «τόμοι» τοῦ αὐτοκράτορος Μανουὴλ Α' Κομνηνοῦ (1143/80) ὑπὲρ τῶν εἰς τὴν χριστιανικὴν ὀρθόδοξιαν μεθισταμένων Μωαμεθανῶν. — ΕΕΒΣ, 19, 1949, σελ. 168. Ср. K. G. Bonis. Εὐστάθιος, ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. . . , σελ. 61).

Мануила написано было и сочинение «Об исправлении монашеской жизни» (Opusc., р. 230.61—62, 68); ряд сочинений относится уже ко времени после захвата норманнами Солуни в 1185 г. (см. ниже, стр. 104).

К той же дате — около 1179 г. — приходим мы и с помощью иного рода рассуждений.

Во время произнесения Второго слова на четырехдесятницу Евстафий занимал уже около 16 лет солунскую кафедру (Opusc., р. 85.75—76). В этом слове Евстафий упомянул о зимнем походе императора на врагов: неприятель был обращен в бегство, его страна опустошена, подданные обращены в рабство (Opusc., р. 86.85—96). Ф. И. Успенский относил рассказ Евстафия к походу Исаака Ангела на болгар в 1186 г.<sup>54</sup>, что, разумеется, невероятно, ибо в таком случае пришлось бы отнести избрание Евстафия архиепископом к 1170 г. Попробуем более осторожно определить время описанных здесь событий.

Прежде всего необходимо исключить возможность того, что Евстафий имеет в виду Алексея III Ангела. Алексей захватил престол в апреле 1195 г., и, если бы Евстафий говорил о нем, слово не могло быть произнесено ранее начала 1196 г. (упоминается зимний поход). В 1196 г. исполнилось во всяком случае более 16 лет пребывания Евстафия в Солуни, ибо в феврале 1180 г. он уже занимал солунскую кафедру. К тому же, забегая вперед, отмечу, что о деятельности Евстафия после начала 1195 г. мы ничего не знаем. Значит, интересующее нас слово было произнесено между 1190 и 1195 г. Более ранняя дата невозможна, т. к. до 1174 г. Евстафий солунским архиепископом не был.

Зимняя экспедиция императорских войск — нечастое явление в византийской истории. Обычно зимой император находился в Константинополе и 6 января выслушивал торжественные похвалы от магистра риторов, ежегодно произносившего речь на праздник крещения. В лемме речи магистра риторов Георгия Торника, обращенной к Исааку Ангелу, указывается, что на этот раз ритор выступал до обычного срока, до дня крещения — и это нарушение обычной связывалось с походом императора (Fontes, II, р. 254.22—26). Перенесение срока торжественной речи может быть объяснено только тем, что Исаак Ангел не рассчитывал вернуться в столицу к 6 января. Поход императора был зимним.

Речь Георгия Торника может быть датирована довольно точно. Она была произнесена осенью 1193 г.<sup>55</sup>, и соответственно поход Исаака относится к концу 1193 г.

Если допустить, что Евстафий имеет в виду тот же самый поход Исаака, Второе слово на четырехдесятницу нужно будет относить к началу 1194 г. В таком случае солунский период жизни Евстафия начинается примерно с 1178 г.

Конечно, эта дата — лишь возможная, но не бесспорная: Евстафий мог произносить свое слово в 1194 г., но пока у нас нет данных, доказывающих, что он произносил его действительно в этом году. Обратимся, однако, к Третьему слову на четырехдесятницу. Уже много времени, говорил Евстафий в этом слове, более шести лет, приходят ко мне мужчины и женщины, жалуясь на своих супругов (Opusc., р. 63.95—96). Значит, это слово написано было шесть-семь лет спустя после переезда Евстафия в Солунь. Вместе с тем оратор упоминает о всем известном кровавом вар-

<sup>54</sup> Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 132, прим. 1.

<sup>55</sup> См. А. Každan. La date de la rupture entre Pierre et Asen (vers 1193). — Вуз., 35, 1965, р. 173. Иную дату отстаивает Б. Ферјанчић. Када се Евдокија удала за Стевана Немањића? — «Зб. филоз. фак. Београд. унив.», 8, 1964 (1965), стр. 217 и сл., — но ему еще не была известна моя аргументация.

варском иге (Opusc., p. 75.52—53), длившемся около трех месяцев (Opusc., p. 75.69), — он имеет в виду захват Солуни норманнами в 1185 г. Следовательно, интересующее нас слово не могло появиться ранее начала 1186 г., а в таком случае приезд Евстафия Солунского приходится примерно на 1179 г.

Но нельзя ли предположить — тем самым ликвидируя кажущееся противоречие источников, — что Евстафий, став митрополитом около 1175 г., не сразу переехал в Солунь? В пользу такого предположения свидетельствуют два письма Григория Антиоха, отправленные Евстафию из Болгарии одно за другим. Второе адресовано просто Евстафию Солунскому, лемма первого гораздо более подробна: «Бывшему магистру риторов господину Евстафию Солунскому...»<sup>56</sup>. Однако Григорий недвусмысленно свидетельствует, что адресат живет в столице, ибо он просит присылать ему «крылатые слова писем» из Константинополя<sup>57</sup>. К сожалению, и это предположение остается гипотетичным, поскольку леммы сочинений Григория Антиоха не всегда точны и данные письма могут относиться к более раннему времени.

Как бы то ни было, наиболее вероятным представляется, что Евстафий прожил в Константинополе примерно до 1179 г.

На константинопольский период приходится расцвет ученой и учительской деятельности Евстафия. Круг его чтения был весьма широк. Не говоря уже о Гомере, Пиндаре и Дионисии Периегете, к сочинениям которых он составил комментарий<sup>58</sup>, Евстафий читал множество классических и поздних авторов, широко пользовался справочными пособиями — словарями, схолиями, сочинениями грамматиков<sup>59</sup>. Можно восстановить некоторые особенности работы Евстафия над классиками: точность его цитат<sup>60</sup>, элементы конъектур при переписывании текстов. П. Маас считает Евстафия единственным византийским филологом догуманистической поры, не ограничивавшимся воспроизведением оригинала, но время от времени пытавшимся внести в него исправления<sup>61</sup>.

Большое место в занятиях Евстафия принадлежало преподаванию. Во Втором слове к Михаилу III он вспоминает о своих учениках — о юношах, которых выдвинула риторика (τῶν ρητορικῶν τοῦτων, οὗς ἡ ἐπιστατοῦσα ῥητορικὴ συνεξέπεμφεν) и которые вместе с ним, корифеем хора, хотят принять участие в восхвалении патриарха (л. 178). Дом Евстафия, говорит Малаки, стал истинным обиталищем муз, второй Академией, Стоей и школой перипатетиков; одних он обучал грамматике, другим преподавал риторику, изошряя их речь (Malakes, p. 82.24—83.3). Сколько юношей, вторит ему Михаил Хониат, приходило к Евстафию, не умея внятно говорить, а ныне их речь отчетлива и ясна! (Mich. Ak., I, p. 289.4—8).

Учеником Евстафия был Григорий Антиох, находившийся в оживленной переписке со своим учителем<sup>62</sup>. Учеником Евстафия называл себя и

<sup>56</sup> J. Darrouzès. Deux lettres... — BS, 23, 1962, p. 278.

<sup>57</sup> Ibid. — BS, 24, 1963, p. 73.389. Не учитывая всей сложности хронологии жизненного пути Евстафия, Даррузе датировал оба письма примерно 1173 г. См. возражения: А. П. Каждан. Григорий Антиох. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 98.

<sup>58</sup> См. Cohn. Eustathios. — RE, VI, 1909, Sp. 1455—1486. О комментариях Евстафия к Аристофану см. W. J. W. Koster, D. Holwerda. De Eustathio, Tzetza, Moschopulo, Planude Aristophanis commentatoribus. — «Mnemosyne», ser. IV, vol. IV. 1954, f. 2, p. 136 sq.

<sup>59</sup> Список использованных Евстафием античных авторов см.: H. Erbse. Untersuchungen zu den attizistischen Lexica. — «Denkschriften der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, philos.-hist. Kl.», 1949 (1950), № 2, S. 1—6.

<sup>60</sup> H. W. Müller. Euripides and Eustathios. — AJP, 61, 1940, p. 428.

<sup>61</sup> P. Maas. Eustathios als Konjekturekritiker. — BZ, 36, 1936, S. 29 f.

<sup>62</sup> J. Darrouzès. Deux lettres... — BS, 23, 1962, p. 276 sq.

Михаил Хониат: в письме архиепископу Солуни Иоанну, одному из преемников Евстафия, он писал, что чувствует себя нечуждым этого города, ибо близок был его мужам — одному, блаженно почившему, он был ближайшим учеником, тебе же — братом (Mich. Ak., II, p. 118.7—11).

В одном из писем Евстафий упоминает своего маленького ученика Иоанна (Opusc., p. 321.70—73): так как письмо адресовано скорее всего Никифору Комнину, вполне вероятно, что Евстафий был воспитателем его сына<sup>63</sup>. Учительская деятельность Евстафия продолжалась и в Солуни, куда приезжали к нему даже дети жителей столицы (Esp., p. 66.26—27).

Известия о солунском периоде жизни Евстафия не более определенны, нежели о константинопольском. По-видимому, его взаимоотношения с паствой сложились не наилучшим образом: во всякое случае архиепископ не раз жаловался на западни, которые готовят ему солуняне, на возникающие скандалы (Opusc., p. 109.17—19). Его враги — это колючий аканф и уксусный рассол; они были бы счастливы увидеть Евстафия мертвым (Opusc., p. 66.13—17). В неизданном наставительном слове, произнесенном в Солуни, Евстафий жаловался, что его упрекают в отсутствии красноречия и в старческом маразме (Э., л. 361об, 362). Впрочем, возможно, что это слово, в котором Евстафий — как и во Втором слове на четырехдесятиницу — упоминает зимнюю военную экспедицию императора (л. 367), относится уже к концу его жизни.

В самом начале епископата Евстафия в Солуни возникла «война» (Fontes, I, p. 17.14—15) и «мятеж» (Fontes, I, p. 18.2—4) — так называемое дело Лепендрина, для расследования которого в город был прислан Иоанн Дука; к сожалению, мы ничего не знаем о существовании этого дела — Евстафий крайне туманно говорит о «птенцах несправедливости», которые, словно гарпии, угрожали всему многотысячному народу (Fontes, I, p. 17.15—20). Позднее борьба достигла такой остроты, что Евстафий был вынужден оставить город.

Сохранилось его письмо к солунянам, где он говорит, что изгнан ненавистью (Opusc., p. 160.51). Он покинул свой город из-за ненависти недобрых людей — преследования злобных зверей вынудили его бежать (Opusc., p. 160.66—71). И хотя он отделен пространством от своей паствы, он просит своих «духовных детей» выслушать его, отсутствующего, словно он по-прежнему среди них (Opusc., p. 158.16—22).

К какому времени относится изгнание Евстафия? В последнее время вопрос о его отъезде (бегстве) был предметом специальных статей Вирта и В. Грюмеля. Грюмель, в частности, убедительно показал, что письмом Михаила Хониата Евстафию (Mich. Ak. II, 1 sq.) говорит не о возвращении архиепископа в Солунь после временного смещения с кафедры, а о первом прибытии его в «обрученный с ним город»<sup>64</sup>. Следовательно, оно не относится к интересующему нас событию.

<sup>63</sup> Чистым недоразумением является попытка Л. Говорова (Евстафий... — «Православный собеседник», 1883, январь, стр. 23) считать этого Иоанна младшим сыном Мануила I. М. Дюшато предполагает, что Евстафий был воспитателем Алексея II (M. V. Duchataux. Eustathe, archevêque de Thessalonique. — «Travaux de l'Acad. nat. de Reims», 108, 1899—1900, t. 2. Reims, 1902, p. 144) и что 25 его писем адресованы Алексею II (ibid., p. 150), но это лишь одна из многих ошибок его поверхностной работы.

<sup>64</sup> V. Grumel. Sur la fuite et le retour de l'archevêque Eustathe de Thessalonique. — REB, 20, 1962, p. 223 sq. Г. Штадтмюллер отнес это письмо Михаила Хониата к началу епископата Евстафия (G. Stadtmüller. Michael Choniates..., S. 238). Как известно, письма Михаила Хониата расположены в рукописи в хронологическом порядке; за письмом Евстафию следует письмо Константину Пиго-

Какими же источниками мы располагаем для определения времени бегства Евстафия? Вирт указывает в этой связи на три его сочинения. В памфлете «Против обвиняющих меня в злопамятстве» солунский архиепископ писал, обращаясь к своим недругам: «Если бы возлюбивший благо самодержец, воистину божественный закон, не склонился бы человеколюбиво к нам..., где бы мы были ныне?» (Opusc., p. 106.3—10). Строго говоря, этот пассаж не должен быть непременно относим к отъезду Евстафия из Солуни: речь идет только о поддержке, которую архиепископ нашел у императора против своей паствы, угрожавшей ему изгнанием.

Вирт ссылается также на Второе подготовительное слово к четыредесятинице, сказанное будто бы накануне отъезда<sup>65</sup>, но приводимые им места свидетельствуют лишь о враждебности солунян к пастырю, об их жалобах, адресованных императору (Opusc., p. 85.77—81) — отнюдь не об отъезде митрополита. Да и действительно, как может свидетельствовать об отъезде Евстафия слово, согласно самому Вирту, произнесенное Евстафием до отъезда? Разве не мог он просто угрожать отъездом — и все-таки не уехать?

Вирт, правда, исходит из того, что разбираемое им слово читалось в конце февраля 1191 г. (согласно уточнению Грюмеля, 25 февраля 1191 г.<sup>66</sup>), а в апреле 1191 г. Евстафий уже читал речь перед Исааком Ангелом в Филиппополе. Однако, как я старался показать выше, Вторая речь на четыредесятиницу, по традиции датируемая 1191 г., на самом деле должна быть отнесена к более позднему времени. Следовательно, хронологическое соотношение событий, установленное Виртом, является во всяком случае проблематичным.

Наконец, третий памятник, привлеченный Виртом, — только что упомянутая речь перед Исааком Ангелом на пасху 1191 г. Но в этом произведении вообще нет ничего похожего на упоминание о бегстве из Солуни, о враждебности паствы. Евстафий просто прибыл в расположенный недалеко от Солуни Филиппополь, где находился двор Исаака Ангела, приветствовал победу государя и обещал, вернувшись домой, поведать о подвигах василевса согражданам (Opusc., p. 45.72). О своих отношениях с паствой Евстафий не сказал здесь ни слова.

Таким образом, приведенные Виртом источники о бегстве Евстафия из Солуни весьма неопределенны: построенная им хронологическая канва (бегство в конце февраля, возвращение в конце апреля 1191 г.) — спорна, поскольку она — помимо всего прочего — опирается на сомнительную датировку Второго слова на четыредесятиницу.

Возвратимся, однако, к сочинению Евстафия, не принятому Виртом во внимание, — к посланию архиепископа солунянам. На него, кстати сказать, указывал в этой связи уже Тафель<sup>67</sup>. В подробном письме солунянам Евстафий ни разу не вспоминает о захвате города норманнами и о трудностях, которые он вместе со всеми горожанами пережил под вражеским игом. Казалось бы, об этой общности судьбы вынужденный бежать из Солуни митрополит должен был бы непременно вспомнить — если бы он писал после 1185 г. Но *argumentum ex silentio* не обладает

ниту, датируемое временем до 1182 г. (ibid., S. 239). Подобная датировка не противоречит новой дате начала епископата Евстафия: в таком случае письмо Михаила Хониата следует относить к 1179 или 1180 г.

<sup>65</sup> P. Wirth. Die Flucht des Erzbischofs Eustathios aus Thessalonike. — BZ, 53, 1960, S. 83 f.

<sup>66</sup> Впрочем, Вирт в заметке о статье Грюмеля (BZ, 56, 1963, 171) считает невозможным точно определить день произнесения слова.

<sup>67</sup> Th. L. F. Tafel. De Thessalonica..., p. 354 nota.



доказательной силой: неупоминание норманнского вторжения не может свидетельствовать в пользу отнесения письма к началу епископата Евстафия.

В последней части письма имеется следующая фраза: «Вы говорите, что имеете иерарха — иерарха недавнего (τὸν ἄρτι), а именно меня. Ваши слова справедливы, ибо я существую, хотя и не отправляю должности» (Opusc., p. 164.2—4). Если считать, что письмо принадлежит «недавнему иерарху», отнесение его к началу епископата, ко времени до 1185 г., станет вполне вероятным — к сожалению, выражение ὁ ἄρτι двусмысленно: оно может обозначать «недавний», но может обозначать и «нынешний».

Выражение Евстафия, по-видимому, связано с той карикатурой на него, которая была изготовлена солунянами и получила широкое распространение — вплоть до столицы (Opusc., p. 98.42—62). Надпись на карикатуре гласила: «Злопамятный человек, назначенный (ἐπιτεταρμένος) солунским иерархом τὸν ἄρτι» (Opusc., p. 98.63—64). И эта надпись оставляет возможность для двойного понимания слов ὁ ἄρτι.

Хотя фраза «имеете иерарха нынешнего» кажется определенной тавтологией (какого же иметь, если не нынешнего?), хотя надпись на карикатуре говорила о назначении Евстафия — все же не приходится настаивать на датировке бегства Евстафия временем до 1185 г. Такая датировка возможна — но не более того.

Не легче поддается решению другой вопрос, связанный с изгнанием Евстафия, — вопрос о социальных силах, выступавших против митрополита. Можно лишь отметить, что, по словам самого Евстафия, люди, его поучавшие и бранившие, были выходцами неизвестно откуда (Opusc., p. 153. 81—85), что среди главных его врагов был некий бедняк (πτωχός по имени Лев, который умер бы с голоду, если бы не церковное подаяние (Opusc., p. 164.8—10).

Но не одна только беднота выступала против Евстафия — врагами архиепископа оказались и влиятельные в Солуни люди: если верить ему, он навлек на себя ненависть своим нелицеприятием — тем, что одинаково судил и бедняка, и знатного горожанина (Opusc., p. 109.86—89).

По-видимому, к числу важнейших пунктов спора принадлежал вопрос о церковных имуществах: одного из своих врагов, некоего Афрата, Евстафий обвиняет в святотатстве, в наложении руки на святые церкви (Opusc., p. 157.76—77, 84—87). В борьбе против «жадных» Евстафий пользовался поддержкой наместника Солуни Давида Комнина (Esp., p. 12.12—14).

После бегства Евстафия его враги завладели епископской должностью (ἀρχιερατεύουσι) и принялись форменным образом расследовать все, что касалось бежавшего митрополита: как он жил, что говорил, о чем беседовал с встречными, как судил. «Они хотели бы, — иронизирует Евстафий, — если бы это было возможно, узнать, что я видел во сне и какие образы подсказывало мне воображение» (Opusc., p. 164.13—22).

Через какое-то время Евстафию удалось вернуться в город. По-видимому, именно тогда были прочитаны им беседы о согласии и об уважении к епископу, которые содержались в Эскуриальской рукописи, погибшей от пожара 1671 г.<sup>68</sup> Относится ли трактат «О злопамятстве» ко времени до изгнания или уже после возвращения, сказать трудно.

В 1180 г. Евстафий принимал участие в спорах по поводу огласительной формулы против мусульман: он высказался против предложения, которое отстаивал Мануил I.

<sup>68</sup> J. Darrouzès. Des oeuvres perdues d'Eustathe de Thessalonique. — REB, 21, 1963, p. 234.

В 1185 г. архиепископ вместе со своей паствой пережил захват города норманнами. Он посвятил этому событию одно из замечательнейших сочинений — «Взятие Солуни», написанное сразу же после освобождения, до февраля 1186 г.<sup>69</sup>

Неоднократно вспоминал он о норманнском вторжении и в других сочинениях (напр. *Opusc.*, р. 84.81—83; 156.49).

Сочинение «Взятие Солуни» состоит из двух частей: первая из них — рассказ о приходе к власти Андроника I, вторая — собственно повествование о падении города и о бедствиях солунян. Основная тенденция первой части — враждебность к низвергнутому тирану, которого Евстафий считает виновником как нападения норманнов, так и беспомощности Солуни перед врагом. Вместе с тем Евстафий вынужден оправдываться в том, что не сразу разгадал истинный характер Андроника (*Esp.*, р. 14.19—22).

Из второй части мы узнаем о судьбе архиепископа после взятия города. Он попал в руки бывшему пирату Сифанту (*Esp.*, р. 106.31—34), который отнесся к своему пленнику: дал Евстафию отдохнуть, накормил и на маленькой лошадке отправил в гавань, где стоял его корабль (*Esp.*, р. 108.1—6). Сифант рассчитывал взять с архиепископа выкуп. Но Евстафий недолго оставался в плену: по-видимому, не без участия византийского ренегата Алексея Комнина, бывшего виночерпия при дворе Мануила I, он был отпущен и поселился в садике у баньки, где «добрые люди» не забывали его (*Esp.*, р. 110.12—112.10). И вот что любопытно: Евстафий постоянно общался с латинянами, не брезгуя лестью, не избегая попреков (*Esp.*, р. 128.20—21); он вступал с ними в религиозные дискуссии (*Esp.*, р. 150.9), он нашел поддержку графа Алдуина (*Esp.*, р. 126.26—128.2).

Я постараюсь показать в дальнейшем, что сближение Евстафия с норманнами — не просто тактическая хитрость во спасение, как он сам уверяет (*Esp.*, р. 138.11—13. Ср. р. 110.7—10, 112.12—14), — пролатинские настроения были свойственны Евстафию во времена Мануила I, и это, несомненно, облегчало его положение в занятом норманнами городе.

В 1193—1194 гг. Евстафий находился в Солуни: известны его проповеди, датированные этими годами<sup>70</sup>. Он был жив еще в феврале 1195 г. — утерянное ныне слово на великий пост, произнесенное, согласно лемме, в этом году — последнее датируемое сочинение Евстафия. После 1195 г. мы о нем ничего не слышим; по-видимому, вскоре он скончался<sup>71</sup>. Он умер до 1196/97 г., когда солунским митрополитом был уже Константин Месопотамит<sup>72</sup>.

Византийские биографы не часто дарят нам описание внешности своих современников-писателей<sup>73</sup>. Малаки, впрочем, сохранил одну любопыт-

<sup>69</sup> *Esp.*, р. XXXIV; H. Hunger, *Op. cit.*, S. 147. По мнению Э. Леоне, до февраля 1186 г. был написан лишь первый вариант, в дальнейшем подвергшийся риторической переработке (E. Leone, *Ред. на Esp.* — «Paideia», 18, 1963, p. 197 sq. Ср. также E. Leone, *Conjectures sur la composition de «La prise de Thessalonique» d'Eustathe.* — *Byz.*, 34, 1964, p. 267 sq.).

<sup>70</sup> J. Darrouzès, *Des oeuvres perdues...*, p. 233, № 8, 14.

<sup>71</sup> P. Wirth, *Ein neuer Terminus ante quem non für des Ableben des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike.* — *BZ*, 54, 1961, S. 86 f. Ошибочную дату смерти Евстафия (около 1192 г.) приводит К. Свобода (*Słownik starożytności słowiańskich*, I, 2, 1962, s. 461).

<sup>72</sup> V. Laurent, *La succession épiscopale de la métropole de Thessalonique dans la première moitié du XIII-e siècle.* — *BZ*, 56, 1963, S. 286. Константин оставался на кафедре до весны 1197 г., по Штадтмюллеру (G. Stadtmüller, *Michael Choniates...*, S. 313) — до 1198/99 г.

<sup>73</sup> См., например, портрет Анны Комниной в надгробной речи, написанной митрополитом Эфеса Георгием Торником: R. Brown, *An Unpublished Funeral*

ную деталь: Евстафий был небольшого роста, и облик его не внушал почтения, так что незнакомец не обратил бы на него внимания (Malakes, p. 82.1—3). Он дожил до глубокой старости, хотя болезни подолгу мучали его: в одном из писем Евстафий жалуется на недуг, приковавший его к постели с июля по октябрь (Opusc., p. 332.87—89); Евфимию Малаки он писал, что желудок у него болит, руки дрожат и вообще он — полуживой (Opusc., p. 349.95—350.16).

Жизнь Евстафия нельзя назвать легкой. Он начал свой жизненный путь мелким чиновником в патриаршей канцелярии и прожил полвека, прежде чем достиг мало-мальски устойчивого положения. Но даже став диаконом и наставником ритором, достигнув, по его собственным словам, земли обетованной, Евстафий вынужден дрожать за должность и жалование и обращаться к патриарху с униженными мольбами сохранить ему ругу, ситиресий и хлебные выдачи. И хотя Григорию Антиоху кажется, что его учитель живет на небесах в сравнении с ним самим, пресмыкающимся на земле (Э, л. 402), небеса эти не так сладки.

Большой ученый и знаменитый оратор, Евстафий был вынужден искать покровительства высшей знати. Наиболее близким ему человеком стал севаст Никифор Комнин, внук Анны Комниной, занимавший последовательно посты дуки Никомидии и наместника Коса (Opusc., p. 319.90—93), а затем начальника прошений<sup>74</sup>. Никифор умер в расцвете лет, оставив троих детей<sup>75</sup>, и Евстафий посвятил ему монодию, обращенную к отцу Никифора, Иоанну Дуке. Курц датировал монодию 1173 г.<sup>76</sup>, но дата эта нуждается в некоторых коррективах. Установленный Курцем *terminus ante quem* non — 1171 г. не вызывает сомнений, т. к. в монодии идет речь об «императорах» во множественном числе<sup>77</sup> (Алексей II был провозглашен соправителем в 1171 г.) — но в качестве *terminus ante quem* Курц избирает спорную, как я старался показать, дату переезда Евстафия в Солунь — 1175 г. Осторожнее было бы относить монодию к 1171—1179 гг.

Худшие отношения сложились у Евстафия с братом Никифора, которого он именует просто Дука (Opusc., p. 324.11—16). Евстафий жаловался на порицания Дуки и просил Никифора быть судьей между ними; он заверял, что всегда восхвалял Дуку (Opusc., p. 318.2—3, 46—47, 62—65).

Покровителем Евстафия был также другой Иоанн Дука, сын великого друнгария Андроника Каматира; ему был посвящен комментарий к Дионисию Перизегету (см. выше, стр. 91). Дука — один из ведущих дипломатов и военачальников Мануила I. Уже в 1170 г. мы застаем его на посту великого этериарха, в числе наиболее влиятельных вельмож<sup>78</sup>; великим этериархом был он и в 1181 г. (Nic. Chon., p. 313.2). Он выступал против Андроника I и после его низвержения занимал пост логофета дрома<sup>79</sup>.

Oration on Anna Comnena. — «Proceedings of the Cambridge Philological Society», № 188, 1962, p. 11.1—11.

<sup>74</sup> Opusc., p. 341.34—35; Э. Курц. Указ. соч., стр. 290, титул.

<sup>75</sup> Э. Курц. Указ. соч., стр. 286 и сл.

<sup>76</sup> Там же, стр. 285.

<sup>77</sup> Там же, стр. 292.70.

<sup>78</sup> L. Petit. Documents inédits sur le concile de 1166 et ses derniers adversaires. — BB, XI, 1904, p. 479.16—17.

<sup>79</sup> F. Miklosich, J. Müller. Acta et diplomata graeca, vol. III. Vindobonae, 1865, p. 2.12. Обычно Иоанна Дуку отождествляют с Иоанном Каматиром (см. G. Stadtmüller. Zur Geschichte der Familie Kamateros. — BZ, 34, 1934, S. 356 f.), однако такое отождествление наталкивается на известные трудности: согласно В. Лорану, Иоанн Каматир был логофетом дрома уже в 1159 г. (Nic. Chon., p. 141.5. См. V. Laurent. Un sceau inédit du protonotaire Basile

Но в посвящении комментария Дука не назван великим етериархом — там говорится, что он «после того» (μετὰ ταῦτα) стал начальником прошений. Естественно предположить, что комментарий относится ко времени до 1170 г., к раннему периоду творчества Евстафия.

По-видимому, Иоанну Дуке адресовано письмо Евстафия с леммой «севасту и великому етериарху»: писатель благодарит адресата за помощь, о которой он намерен говорить вечно (Opusc., p. 344.69—71).

Среди адресатов писем Евстафия мы встречаем еще одного вельможу — логофета дрома Михаила Айофеодорита, одного из приближенных Мануила I (см. выше, стр. 98). В неизданной речи, обращенной к логофету Михаилу (Э, л. 357—361), Евстафий жаловался на свое бедственное положение и, прославляя адресата и его братьев, просил о помощи. По-видимому, к более позднему времени относится письмо Айофеодориту. Тон его значительно более холоден, чем в посланиях Никифору Комнину, хотя и здесь Евстафий пишет о помощи адресата. Помощь эта двоякого рода: одни благодеяния вытекают из заботы логофета об обществе, другие носят частный (ιδίᾱ) характер. «Твое величие в делах превосходит все, что мы знаем от отцов и что видели своими глазами» (Opusc., p. 342.46—59). Евстафий заверяет, что никогда не пренебрегал Айофеодоритом, не был ему враждебен (Opusc., p. 342.73—74).

В трудном мире службы и искательства утешением Евстафию оставались его друзья. Евстафий стоял в центре научно-литературного кружка, в котором участвовали Николай Айофеодорит, Евфимий Малаки и Михаил Хониат, а может быть также Григорий Антиох и будущий патриарх Михаил Авториан [ему адресовано краткое письмо Евстафия (Opusc., p. 339.18)] — один из ближайших друзей Михаила Хониата<sup>80</sup>. Когда Евстафий уехал в Солунь, его связи с друзьями не прервались: они не только поддерживали переписку, но и посещали друг друга. Я уже говорил о приезде Малаки к Евстафию (см. выше, стр. 94, прим. 36); сам Евстафий рассказывает в неизданном слове на молитву: «Господи, помилуй», — что его посетил какой-то друг из Афин — Вирт не без оснований считает этим другом Михаила Хониата<sup>81</sup>. И подобно тому, как сам Евстафий оплакал смерть Николая Айофеодорита, его друзья принесли на могилу солунского архиепископа, быть может, излишне цветистые, но по-своему искренние дары.

*Продолжение следует.*

---

Kamatéros. — Byz., 6, 1931, p. 267, n. 9), тогда как Иоанн Дука в те годы, по всей видимости, находился в плену в Италии (во всяком случае в 50-е и 60-е годы он командовал войсками); на посту логофета мы встречаем его много позднее. Вопреки Г. Штадтмюллеру, Иоанн Дука не был судьей вила: в цитируемом Штадтмюллером месте (Cinnamus. Epitome. Bonnae, 1836, p. 269.15—18) названы Иоанн Дука (без упоминания должности), логофет (дрома) Михаил, скопец Фома и судья вила Никифор Каспакс. Р. Гийан сомневается в возможности отождествить сына Андроника Каматира и великого етериарха (R. Guillard. Op. cit., S. 107).

<sup>80</sup> См. G. Stadtmüller. Michael Choniates... S. 142.

<sup>81</sup> P. Wirth. Das religiöse Leben in Thessalonike unter dem Episkopat des Eustathios im Urteil von Zeitgenossen. — «Ostkirchliche Studien», 9, 1960, S. 293 f.